

Рагимов И.М.♦

DOI: 10.25108/2304-1730-1749.iolr.2019.58.194-239

Индивидуальное прогнозирование поведения осужденного в процессе исполнения наказания

Аннотация: Лицо, прогнозирующее поведение осужденного, должно быть всегда готово к пересмотру своих предположений, не подтверждающихся в действительности. Прогноз ни в коем случае не может заменить конкретных оценок фактического поведения; он только помогает построить версии о возможном (наиболее вероятном) поведении осужденного в будущем, в процессе исполнения наказания, с тем, чтобы вовремя принять профилактические меры. В индивидуальном прогнозировании поведения осужденного упор делается именно на индивидуальность.

Мотивы будущего поведения осужденного, как идеальные побудительные силы, формулируются на основе потребностей. Поэтому, если прогнозирование мотивов поведения позволяет нам понять, как осужденный намерен вести себя в специфических условиях (в процессе исполнения наказания), то знание потребностей и интересов раскрывает источники его побуждений, основу будущей избирательности и направленности деятельности. Следовательно, прогнозирование потребностей осужденного приобретает особое значение.

При индивидуальном прогнозировании достижения предупреждения речь должна идти не об однозначном прогностическом выводе, а о вариантах возможного будущего поведения осужденного, ибо всякий социальный прогноз - это прогноз вероятностей, а когда речь идет о прогнозе

♦ **Рагимов Ильгам Мамедгасан оглы** – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Азербайджанской Республики, член Совета МОПИ (Азербайджан). E-mail: mopi_sid@yahoo.com

индивидуального поведения, то это должно быть учтено в наибольшей степени. Поэтому невозможен никакой индивидуальный прогноз, рассчитанный на то, чтобы точно сказать, как будет себя вести данный осужденный, например, через год или два, в какой-то конкретной жизненной ситуации.

Обеспечение процесса карательно-воспитательного воздействия достаточной информацией об осужденном является важнейшим условием повышения эффективности этого воздействия и зависит от судебно-следственных органов, выступающих в качестве основных передатчиков информации об осужденном и самих учреждений как единственных получателей информации и организаторов карательно-воспитательного процесса.

Ключевые слова: исполнение наказания; индивидуальное прогнозирование; поведение личности; модель прогноза; информация; карательно-воспитательное воздействие.

В принципе, следует заметить, что в современных условиях, с учетом уровня рецидивной преступности, проблема повышения эффективности исполнения наказания остается одной из актуальных в теории, и в особенности практики. Ее всестороннему изучению следует придавать исключительно важное значение. К сожалению, в последние годы в этом направлении практически ничего не предпринимается. Вместе с тем, научные исследования по совершенствованию эффективности карательно-воспитательного воздействия (КВВ) нуждаются в серьезном расширении и углублении. В современных условиях разработка этой проблемы должна занимать ведущее место в исследованиях по уголовно-исполнительному и уголовному праву, теории управления и педагогики, психологии и конкретной экономики. Поэтому мы бы хотели предложить некоторые свои

соображения по совершенствованию эффективности исполнения наказания. В первую очередь, следует обосновать теоретическую возможность и практическую необходимость индивидуального прогнозирования поведения осужденного в процессе исполнения наказания, которое, на наш взгляд, является одним из возможных путей повышения эффективности достижения цели предупреждения. Результаты такого прогнозирования могут быть использованы при УДО, условном освобождении с обязательным привлечением к труду и т. д., а также при освобождении осужденного из мест лишения свободы по сроку, амнистии и по другим причинам. Целью индивидуального прогнозирования в местах отбывания наказания является изучение будущего поведения осужденного в процессе исполнения наказания с момента его прибытия до его освобождения по любым основаниям. Субъектом такого прогнозирования является начальник отряда, а также работники мест отбывания наказания.

В первую очередь, конечно, прогноз начальника отряда должен быть направлен на то, чтобы определить возможное преступное поведение осужденного в процессе отбывания наказания и после освобождения. Однако этого еще не достаточно, ибо задача индивидуального прогнозирования сводится не только к предсказанию ожидаемого поведения осужденного, но и к установлению факторов (условий, ситуаций, обстоятельств), которые бы способствовали или, наоборот, могут препятствовать правильной организации процесса исполнения наказания. Лицо, прогнозирующее поведение осужденного, должно быть всегда готово к пересмотру своих предположений, не подтверждающихся в действительности. Прогноз ни в коем случае не может заменить конкретных оценок фактического поведения; он только помогает построить версии о возможном (наиболее вероятном) поведении осужденного в будущем, в процессе исполнения наказания, с тем, чтобы вовремя принять профилактические меры. В индивидуальном

прогнозировании поведения осужденного упор делается именно на индивидуальность.

Г.А. Аванесов отмечает: «...Индивидуальное прогнозирование основывается на неповторимой индивидуальности конкретной личности и относительной самостоятельности ее поведения, но поведения не в “застывшем” виде, а в “движении” от прошлого к настоящему и от него к “будущему”» [1, с. 381]. Особо следует подчеркнуть, что при индивидуальном прогнозировании, речь должна идти не об однозначном прогностическом выводе, а о вариантах возможного будущего поведения осужденного.

С точки зрения практических возможностей прогнозирования социального поведения осужденного, мы ставим перед собой задачу выявить «прогностическую ценность» информации о различных состояниях предрасположенности осужденного к определенному поведению в специфически заданных условиях.

Поэтому, если индивидуальное прогнозирование рассматривать как процесс предвидения будущего поведения отдельного человека, то индивидуальный прогноз - научно обоснованная информация, содержащая количественно-качественную характеристику будущего поведения личности.

Прогнозирование социального поведения осужденного в процессе отбывания наказания - область чрезвычайно сложная уже в силу многокачественного характера объекта.

Проблема прогнозирования индивидуального поведения (индивидуальное прогнозирование) все больше и больше привлекает внимание представителей общественных наук.

Ученые разных стран ведут оживленные дискуссии по поводу проблемы прогнозирования поведения индивида в той или иной ситуации. При этом делаются попытки выработать индивидуальные «планы» развития личности,

«проектировать личность», выявить особенности поведения личности в различных ситуациях и ее психологическую направленность и т. д. [17; 23].

Центральная идея многочисленных работ, выполненных в этой области — попытка объяснить и предсказать особенности поведения индивида, исходя из его предрасположенности или диспозиции к восприятию и оценке некоторой ситуации, готовности действовать в ней определенным образом [29]. Но возможно ли это? По мнению А. Грюнбаума, «поведение человека, направленное сознанием, находится вне сферы компетенции науки» [11, с. 62]. Как видно, эта позиция, полностью отрицает возможность индивидуального прогнозирования. Большинство ученых придерживается противоположной точки зрения. Так, например, Т. Шибутани относительно прогнозирования поведения человека пишет: «...его явное поведение обычно можно предвидеть достаточно, ибо он охотно подчиняется групповым стандартам» [32, с. 164]. К такому же выводу приходит и Б.Ф. Парыгин: «...В зависимости от числа факторов, определяющих подвижность или устойчивость настроения, присущих тому или иному индивиду, можно более или менее обоснованно прогнозировать поведение последнего в ситуации, предъявляющей высокие требования к психической уравновешенности личности» [24, с. 152].

В юридической литературе некоторые авторы уже высказывали свои соображения о необходимости разработки криминологических моделей прогноза [20, с. 209; 18, с.161, 172; 2, с. 264-265]. Однако проблема индивидуального прогнозирования поведения осужденного в процессе исполнения наказания никогда не была предметом теоретических исследований. Достижения современных наук - психологии, педагогики, социологии, генетики, кибернетики - позволяют нам в каждом конкретном случае составить прогноз относительно эффективности той или иной меры наказания, посредством познания поведения лица, совершившего

преступление в ближайшем будущем, хотя бы в общих чертах. Такой вывод основывается на том, что прогнозирование изменений в потребностях, мотивах человека в результате того или иного конкретного уголовного наказания позволяет познать, изучить будущие перемены в видах деятельности осужденного.

Итак, не может быть возражений против того, что предвидение возможного поведения личности, особенно поведения осужденного - задача сложная. Однако возникающие при этом трудности можно преодолеть посредством глубокого изучения личности, механизма поведения человека, путем внешних и внутренних факторов. Оценивается именно личность осужденного, его прошлое и настоящее поведение и прогнозируется возможное поведение в будущем в процессе исполнения наказания. Не вызывает сомнений, что совместными усилиями юристов, психологов, педагогов и кибернетиков можно разработать систему таких показателей, которые дадут возможность получения достаточно точного прогноза поведения отдельного лица, освобождаемого из мест лишения свободы, отбывшего срок или условно-досрочно, а также подсудимого, в отношении которого применяется уголовное наказание.

Теперь перед нами стоит, пожалуй, самый трудный вопрос: какой, собственно, предмет подлежит анализу? Что конкретно следует прогнозировать: отдельные акты поведения осужденного, поступки, систему поступков, деятельность в целом?

По поводу того, как должна изучаться личность при прогнозировании ее поведения и какие факторы необходимо учитывать в процессе индивидуального прогнозирования, ученые и практические работники высказывают различные мнения. Так, например, А. А. Герцензон считает, что критерием для индивидуального прогнозирования в отношении осужденного служит отношение осужденного к труду, участие в культурно-

воспитательной работе, соблюдение режима и т. д.; учитывается также та среда, в которую возвратится освобожденный, его прошлые связи и проч.[9, с. 25]. Другие авторы полагают, что учет только этих, отмеченных обстоятельств при индивидуальном прогнозировании недостаточен.

Так, В. Н. Кудрявцев пишет: «...Перспективные направления индивидуального прогнозирования могут открываться, если будет решена проблема измерения социальных и индивидуальных свойств личности правонарушителя: глубина его антиобщественных взглядов, интенсивность (направленность) жизненной ситуации, полнота предвидения последствий своего поведения и др.» [18, с. 165].

А. Ф. Глоточкин и В. Ф. Пирожков отмечают, что знание причин воздействия и динамики различных психических состояний человека позволяет выделять типичные психические состояния, повторяющиеся в сходных обстоятельствах и, тем самым, предвидеть с достаточной достоверностью поведения заключенного в тех или иных условиях [10, с. 3].

Наконец, Г. А. Аванесов выступает за установление разумных пределов изучения личности при прогнозировании индивидуального антиобщественного поведения [2, с. 272]. Он пишет: «Более того, при индивидуальном прогнозировании преследуется цель предсказать не “любое” поведение, а лишь такое, которое интересует субъектов прогнозирования» [2, с. 272].

Представляется, что подобные рекомендации не могут быть использованы при индивидуальном прогнозировании, ибо они позволяют нам познать только внешнюю сторону будущего поведения осужденного, которая складывается из совокупности положительных и отрицательных поступков, а не отражает мотивы поведения. Между тем, Д.А. Кикнадзе утверждает, что «человек нигде не виден так ясно и полно, как в мотиве поведения» [14, с. 51].

Чтобы понять, изучить будущее поведение осужденного в процессе исполнения наказания, недостаточно знать объективную систему его ролей. Нужно, как отмечает И.С. Кон, также понимать их внутреннюю структуру, их смысл и удельный вес в его собственных глазах, выяснить психологическую доминанту его личности [16, с. 36]. Речь в данном случае идет о социальном и психологическом изучении индивида, его личностных свойств. По мнению С.Л. Рубинштейна, в качестве собственно личностных свойств из всего многообразия свойств человека обычно выделяют те, которые обуславливают общественно-значимое поведение или деятельность человека [26, с. 309]. Однако в связи с этим он напоминал также и о существовании психического аспекта личности: «Психический аспект личности не рядоположен с другими; психические явления органически вплетаются в целостную жизнь личности, поскольку основная жизненная функция всех психических явлений и процессов заключается в регуляции деятельности людей. Будучи обусловлены внешними воздействиями, психические процессы определяют поведение, опосредствуя зависимость поведения субъекта от объективных условий» [26, с. 311].

Таким образом, прогнозирование мотивации занимает центральное место в понимании механизма будущего поведения осужденного при исполнении наказания, выявление закономерностей которого дает возможность всесторонне раскрыть сущность и значение всех других факторов деятельности преступника.

Классики марксизма специально подчеркивали роль мотивационной системы как объективно действующего фактора детерминации человеческого поведения. Ф. Энгельс писал: «Все, что побуждает человека к деятельности, должно проходить через его голову» [21, с. 230].

Н.Г. Асеев подчеркивает: «Мотивация как движущая сила человеческого поведения, безусловно, занимает ведущее место в структуре

личности, пронизывая ее основные структурные образования: направленность личности, характер, эмоции, способности, деятельность и психические процессы» [3, с. 9].

«Именно то, что особенно значимо для человека, - писал С.Л. Рубинштейн, - выступает, в конечном счете, в качестве мотивов и целей его деятельности и определяет стержень личности» [27, с. 620].

Как социально-психологическое явление мотивы человека охватывают его социальные ориентации и идейные убеждения, затрагивают стратегическую организацию его поведения, играют роль действенной силы в целенаправленной мобилизации духовного потенциала и творческих сил личности. Исключительно велико значение мотивов в формировании целостной личности, которой свойственно единство образа мышления и поведения, идейной убежденности и социальной активности. Что же такое мотивация? В социологической и психологической литературе мотив определяется как осознанная побудительная сила, направляющая деятельность и поведение человека на удовлетворение его определенных потребностей.

С.Л. Рубинштейн, например, писал: «Мотивация - это через психику реализующая детерминация» [28, с. 370].

Болгарский ученый В. Вичев подчеркивает, что «мотив означает сознательное и глубокое личностное “почему” данного действия. Он раскрывает соотношение между внутренним и внешним, между потребностями и их объектами» [8].

Термин «мотивация поведения» используется то в более узком, то в более широком смысле слова.

В узком смысле слова - это мотивация конкретных форм поведения человека. В широком смысле слова под мотивацией поведения

подразумевается совокупность тех психологических мотивов, которыми определяется поведение человека в целом [34, с. 12].

Мотивы будущего поведения осужденного, как идеальные побудительные силы, формулируются на основе потребностей. Поэтому, если прогнозирование мотивов поведения позволяет нам понять, как осужденный намерен вести себя в специфических условиях (в процессе исполнения наказания), то знание потребностей и интересов раскрывает источники его побуждений, основу будущей избирательности и направленности деятельности. Следовательно, прогнозирование потребностей осужденного приобретает особое значение.

При индивидуальном прогнозировании достижения предупреждения речь должна идти не об однозначном прогностическом выводе, а о вариантах возможного будущего поведения осужденного, ибо всякий социальный прогноз - это прогноз вероятностей, а когда речь идет о прогнозе индивидуального поведения, то это должно быть учтено в наибольшей степени. Поэтому невозможен никакой индивидуальный прогноз, рассчитанный на то, чтобы точно сказать, как будет себя вести данный осужденный, например, через год или два, в какой-то конкретной жизненной ситуации. «Такое “предсказание”, - как правильно утверждает В.Н. Кудрявцев, - основывалось бы на фаталистических представлениях о поведении человека, рассматривало бы его как “игрушку” судьбы или, что еще хуже, выводило бы поступки человека из его прирожденных особенностей» [18, с. 163]. Поэтому вряд ли можно согласиться с теми, которые считают, что «органы прокуратуры, суда, мест лишения свободы делают во многих случаях правильные выводы о дальнейшем поведении лица, о его общественной опасности, о том, что оно исправилось и т. д.» [31, с. 105-106; 13, с. 148]. Так, И.И. Карпец пишет: «...Но практические работники, особенно уголовного розыска, почти безошибочно прогнозируют

преступное поведение отдельных людей. То же самое можно сказать и о работниках исправительно-трудовых учреждений» [13, с. 148].

Представляется, что такое категорическое утверждение, не имеющее под собой твердую научную основу, может оказать отрицательное влияние на работу правоохранительных органов. Как бы индивидуально и справедливо не подходила администрация к осужденному, она не в состоянии прогнозировать в полной мере его поведение во время отбывания наказания и достаточно точно определить срок, необходимый для исправления и перевоспитания. Мы можем говорить о большей или меньшей вероятности того, что данный осужденный поступит так, а не иначе; что от одного осужденного с большим основанием можно ждать хорошего поступка, чем от другого, и т. д. Но неверно утверждать, что «работники уголовного розыска почти никогда не ошибаются, например, в том, пойдет ли вновь на совершение преступления человек, если он возвращается в ту среду и атмосферу, которая привела его к преступлению» [13, с. 148].

Индивидуальное прогнозирование поведения осужденного - это научное предсказание возможного поведения осужденного в процессе исполнения наказания в течение того времени, к которому он осужден.

Следует указать, что у каждого осужденного в процессе отбывания наказания окажется не одно кем-то или чем-то предопределенное будущее, а множество, вероятно, «будущих», из которых должно быть реализовано, в конечном счете, только одно. К этому «одному будущему» осужденный придет в результате взаимодействия разнообразных факторов. Поэтому задача сводится не только к прогнозированию возможного поведения осужденного, но и к установлению факторов, определяющих наиболее вероятный вариант его будущего поведения. К числу таких факторов, как показывают материалы конкретных исследований, относятся: среда, в которой будет находиться осужденный,

его социальная и психологическая активность, определяемая интересами и готовностью жить так, а не иначе [2, с. 293]. Для прогнозирования поведения каждого осужденного необходимо знать настроение, стремление, поведение среды (группы, микросферы), в которой он находится. Такой вывод вытекает из положения о том, что, осуществляя ту или иную деятельность, индивид должен учитывать изменения внешней среды, способные вмешиваться в достижения промежуточных и конечных целей. Ряд изменений среды в процессе исполнения наказания могут вызвать смену действий или операций: некоторые изменения могут позволить сократить или добавить число действий и операций, могут отвлекать осужденного от основной в данный момент деятельности, заставляя решать другие, побочные задачи.

Следовательно, чтобы составить индивидуальный прогноз достижения цели предупреждения с учетом среды, в которой оказался осужденный, надо, по крайней мере, знать: а) какие возможности деятельности предоставляет ему социальная среда во время отбывания наказания; б) какую из возможностей намерен выбрать сам осужденный; в) какие изменения, способные в значительной степени сдерживать или, наоборот, ускорить эффективность исправления и перевоспитания, могут произойти под влиянием различных обстоятельств в процессе реализации судебного приговора. Изучение микросреды целесообразно проводить, как подчеркивает Г. А. Аванесов, в социально-психологическом, педагогическом и криминологическом аспектах [2, с. 276].

Большое внимание прогнозированию изменений среды и учету ее возможных воздействий на успешность достижения цели уделялось Н. А. Бернштейном в его концепции организации активных поведенческих актов, получившей название «физиология активности».

Изучая организацию двигательных действий, Н.А. Бернштейн показал необходимость «заглядывания» вперед при осуществлении движений, необходимость учета будущих внешних и внутренних сил, необходимость предварительной настройки (подготовки) органов чувств и двигательных систем [6].

В итоге хотелось бы подчеркнуть, что прогнозирование желаемого поведения осужденного в процессе исполнения наказания соответствует его интересам, стимулирует его деятельность в данном направлении, т. е. прогноз влияет на поведение осужденного, делает это поведение, каждое отдельное его действие целенаправленным и конкретным.

Индивидуальное прогнозирование поведения осужденного возможно только при достаточном информационном обеспечении процесса исполнения наказания, т. е. тогда, когда прогнозирующее лицо располагает необходимой информацией о прошлом и настоящем осужденного.

Информация есть сведения, сообщения, характеризующие состояние объекта и окружающей его среды [4, с. 160]. Если под карательно-воспитательным воздействием понимать устранение или сокращение разрыва между реальной совокупностью, присущих осужденным личностных свойств и нормативной моделью законопослушного типа личности, то информация для целенаправленной и эффективной организации этого воздействия должна содержать сведений о характере и степени рассогласования между реальной и нормативной моделями личности.

А это возможно только в том случае, если соблюдаются те общие требования, которые предъявляются к любому из видов социальной информации [4, с. 137-138]. Процесс информационного обслуживания охватывает ряд субъектов, в частности, передающего информацию и получающего ее, предполагает определенные каналы (пути) передачи информации и включает в себя ряд этапов. Каждый из них имеет свои

особенности, свои проблемы. Выделение таких этапов, в известной мере, условно, поскольку, практически, каждый субъект - получатель информации одновременно является и передатчиком информации. Так, например, судебно-следственные органы являются непосредственными субъектами информационного обеспечения процесса карательно-воспитательного воздействия. В данном случае эти органы выступают в качестве передатчика информации об осужденном. Однако, прежде чем стать передатчиком, судебно-следственные органы становятся получателями информации. Накопление, учет, обработка, хранение, поиск сведений об осужденном - это важнейшая задача этих органов. По отношению к судебно-следственным органам места отбывания наказания являются получателями информации. В процессе организации карательно-воспитательного воздействия, они уже становятся не только получателями, но и основными субъектами накопления, учета, обработки, поиска новых сведений об осужденном как объекте карательно-воспитательного воздействия.

В информационном обеспечении судебно-следственными органами процесса карательно-воспитательного воздействия имеется ряд существенных недостатков, которые в значительной степени затрудняют организацию эффективного процесса исполнения наказания. Один из этих недостатков - отсутствие в личном деле осужденного оптимума информации, что выражается в недостаточности сведений даже для первоначальной ориентации при организации карательно-воспитательного воздействия.

Обеспечить оптимум информации об объекте (осужденном) - это значит дать субъекту воздействия необходимую и достаточную информацию об осужденном, для организации целенаправленного и эффективного процесса. Оптимум информации, ее необходимость и достаточность означает, что информация об осужденном должна содержать все необходимые, точные, надежные, не содержащие искажений, сведения.

Судебно-следственные органы в настоящее время передают администрации мест отбывания наказания незначительную часть тех сведений об осужденном, которые ими собираются во время следствия и суда, хотя С. В. Познышев еще в 1928 г. писал, что деятельность воспитателя должна быть «возможно, более индивидуализирована при выборе и применении воспитательных мер и приемов... Ему необходимо учитывать много данных, характеризующих заключенного... В настоящее время ему приходится идти ощупью, с особенной осторожностью. ...Но не подлежит сомнению, что криминальной психологии, в частности, той части ее, которую можно назвать криминальной педагогикой, предстоит великое будущее выяснить точно те методы воздействия, которые окажутся наиболее целесообразными... В будущем установится и наиболее тесная связь между судом, назначающим наказание, и пенитенциарными учреждениями, которые, в сущности, продолжают начатое судом применение наказания и исполняют предначертание судьи. Пенитенциарный деятель будет иметь перед собой все дело заключенного, будет знать, что усмотрел в данном виновнике преступления судья и почему именно он назначил ему такое, а не иное наказание» [25, с. 238].

К сожалению, пока еще следственные органы, как правильно отмечает Л.В. Багрий-Шахматов, направляют в «архивы вместе с судебными делами ценнейшие сведения о преступниках, так необходимые в работе органов государства, исполняющих наказание. На получение этих сведений уже в процессе исполнения наказания требуются порою годы, вместо того, чтобы это время использовать для действительной работы по исправлению и перевоспитанию преступника на основе данных, полученных о личности преступника от следствия» [5, с. 41].

У администрации же на первых порах имеется только судебный приговор, статья закона, по, которой осужден заключенный, и совершенно

неизвестный ей человек, которого еще нужно продолжительное время изучать, чтобы организовать процесс индивидуального карательно-трудового воздействия. Поэтому совершенно справедливо замечание И.В. Шмарова о том, что «в настоящее время данные о личности осужденного, содержащиеся в личном деле, при поступлении его в ИТУ содержат весьма поверхностные сведения. В личном деле отсутствуют подробные сведения о характере совершенного преступления, об условиях и причинах, способствовавших его совершению, о прошлой преступной деятельности осужденного, его личности, семье и т. д. Администрация мест лишения свободы, прежде всего начальники отрядов, затрачивают значительное время для сбора указанных сведений по прежнему месту жительства и работы осужденного. Между тем, большая часть, интересующих воспитателей сведений, остается в судебном деле, у следователя и судей и не отражается в приговоре суда» [33, с. 97]. Ни в судебных приговорах, ни в справках-характеристиках не содержится комплексной информации, отражающей состояние всех требуемых показателей и определяющей основное социальное качество, нуждающееся в изменении в процессе отбытия наказания. Поэтому не соответствует действительности утверждение некоторых товарищей о том, что «программа изучения личности, которой мы теперь пользуемся, предусматривает выяснение биографических данных; получение сведений о динамике формирования морального облика, причин и мотивов совершенных преступлений; оценку содеянного самим осужденным; выяснение субъективных данных о проводившемся противоалкогольном лечении; нравственно-психологических особенностей (положительных и отрицательных сторон, нравственных критериев, интересов, склонностей и, их целенаправленности, способностей, характера, темперамента, привычек, отношение к проводимой в учреждении ПВР, труду, образованию, к режиму и дисциплинарной практике, готовности к

жизни на свободе, степени исправления, возможности трудового и бытового устройства)» [19, с. 33].

В связи с этим, совершенно справедливо возникает вопрос об объеме необходимой информации об осужденном. В литературе обычно утверждается, что администрации нужно знать об осужденном все - историю жизни, характер совершенных преступлений, особенности поведения в быту до совершения преступления, подробную психологическую характеристику, в содержание которой включается обширный перечень разнородных свойств и качеств личности: мировоззрение, интересы и склонности, идеалы и потребности, темперамент и характер, способности, знания, навыки, умения, привычки, особенности чувств и воли, интеллектуального развития, характерные психические состояния [12, с. 64].

Представляется, что такой подход к определению программы изучения личности является неправильным; во-первых, потому, что вообще полной, абсолютно определенной информации об осужденном получить невозможно; во-вторых, нет никакой необходимости стремиться узнать малейшие детали, характеризующие личность осужденного, но не имеющие практического значения в условиях отбывания наказания.

Оптимизировать информацию - это значит избежать не только ее недостатка, но и чрезмерного избытка. Если недостаток информации об осужденном не дает субъекту воздействия возможности получить правильное представление о состоянии объекта воздействия и по существу принять правильное решение, то избыток информации много времени и сил требует для ее переработки. Поэтому создается опасность «потонуть» в потоке бессистемной, необработанной информации, а результат такой же, что и при ее недостатке - необоснованность решения. Более ограниченные программы рекомендуют А. Г. Ковалев, В. Т. Лашко, А. В. Надъярный [15; 22]. Но они не очень четко аргументируют свой подход к определению

совокупности свойств и качеств личности осужденного, подлежащих обязательному изучению. Если мы признаем, что карательно-воспитательное воздействие - это особый процесс, предполагающий разрушение у осужденных негативных, антиобщественных свойств и проявлений, значит, в первую очередь, необходимо получить информацию о нравственных пороках личности, подлежащих искоренению и жизненных обстоятельствах, способствовавших их появлению и совершению преступных действий, обуславливающих индивидуально-специфический характер сформировавшихся нравственных качеств личности, как положительных, так и отрицательных. Так, например, для организации эффективного процесса воздействия в отношении лица, совершившего корыстное преступление, необходимо расширить объем собираемой информации, связанной с его служебной деятельностью, специально выяснять отношение к принципу распределения по труду, наличие ориентировки на «широкую» жизнь, накопление, стяжательство.

Необходимо также иметь в виду, что информация, полученная от судебно-следственных органов, очень часто не соответствует действительности и поэтому нуждается в проверке со стороны администрации. Наиболее характерно несоответствие уровня образования данным, полученным администрацией в результате проверки и зафиксированным в личном деле осужденного. Причем, преобладает завышение образования.

Представляется, что для нормального обеспечения процесса карательно-воспитательного воздействия, информацией об осужденном, необходимо улучшить методы и средства накопления, учета, обработки, хранения, поиска и передачи информации судебно-следственными органами (передатчиками информации) в места исполнения наказания (получателю информации).

Для этого необходимо иметь единый уголовно-процессуальный документ, где, должна быть сконцентрирована широкая сводная информация о личности обвиняемого с целью комплексного ее исследования и передачи из органов дознания и предварительного следствия в судебные инстанции, а оттуда, после вступления приговора в законную силу, - в места отбывания наказания. Это вызвано тем, что в настоящее время информация о личности обвиняемого рассредоточена в виде протоколов следственных действий, характеристик, заключений экспертов и т. д. по разным местам уголовного дела, что затрудняет ее использование в процессе предварительного расследования и рассмотрения дела в суде.

Кроме установочных данных, в едином уголовно-процессуальном документе должна отражаться информация, характеризующая личность с других сторон: моральной, производственной, бытовой, педагогической и т. д. Такая оптимальная информация об осужденном, отраженная в едином документе, даст возможность администрации полнее представить себе личность осужденного, глубже понять причину и степень его социальной запущенности и общественной опасности, правильнее и эффективнее организовать процесс карательно-воспитательного воздействия.

Таким образом, уголовно-процессуальный документ будет средством закрепления информации об осужденном. «Документ, - отмечает В.Г. Афанасьев, - материальный носитель информации» [4, с. 226]. Данный документ должен отвечать предъявленным к нему юридическим требованиям, быть удобным для обработки, содержать нужные данные как количественного, так и качественного характера, позволять вносить требуемые изменения, дополнения и т. д.

Идею концентрирования сведений о заключенном в одном документе высказывали [25, с. 238] и высказывают в настоящее время многие [9; 7]. Против введения дополнительной документации, в виде уголовно-

процессуального документа, выступает А.В. Надъярный, который считает, что надо идти «по пути полного и совершенного применения имеющихся на каждого заключенного тетрадей по изучению их личности и учету индивидуальной работы с ними. Перечень сведений о личности преступника, который следует заносить в эту тетрадь, а также ее форму и разделы следует разработать ученым: криминалистам, педагогам, психологам, специалистам в области исправительно-трудового права. Причем, заводить тетрадь по изучению личности заключенного и учету индивидуальной работы над ним следует в процессе дознания, предварительного следствия, судебного разбирательства, пребывания осужденного в следственном изоляторе и в ИТУ» [22, с. 10].

Представляется, что предлагаемый А. В. Надъярным вариант менее удобный, так как на каждого осужденного надо будет заводить не менее пяти индивидуальных тетрадей. Кроме того, не имеет существенного значения, как должен выглядеть документ, в котором фиксируются сведения о личности осужденного. Самое главное - обеспечить достаточной информацией, отвечающей тем общим требованиям (комплексность, систематичность, оптимальность, своевременность), которые предъявляются к любому виду социальной информации, - процесс карательно-воспитательного воздействия. Н.Т. Ведерников считает целесообразным разработать анкету о личности преступника, которая включала бы в себе целый комплекс сведений о морально-политическом и психологическом облике: биографические и производственно-бытовые данные, сведения о судимостях [7].

Необходимо иметь в виду, что обеспечение процесса исполнения наказания достаточной информацией об осужденном зависит не только от передатчика (субъекта передачи) информации, но и от получателя информации, т. е. от самих карательно-воспитательных учреждений, в

деятельности которых по организации получения, обработки и использования поступающей информации имеются существенные недостатки, влияющие на организацию эффективного процесса воздействия.

«Следует с особой силой подчеркнуть, - отмечает В. Г. Афанасьев, - что сама по себе информация, будь она самой оптимальной, не приведет к принятию эффективного решения. На качество решения влияют эмоционально-субъективные факторы и, прежде всего, оценка субъектом управления информации, используемой в подготовке и принятии решения. Естественно, что умение работать с информацией, компетентно оценить и умело использовать ее способствует повышению качества решения» [4, с. 212]. Решение об организации процесса индивидуально-воспитательного воздействия по отношению к каждому конкретному осужденному должно приниматься только после разнообразной и сложной работы с информацией. При этом работающий над информацией (в данном случае, администрация) имеет дело не с информацией вообще, а с конкретной информацией об осужденном. Отбор поступающей информации предполагает известную свободу действий получателя, так как администрация из всей поступающей к ней информации вольна выбирать и использовать именно ту, которая ей более необходима для достижения той или иной цели.

Значит, ценность поступающей информации определяется получателем и, следовательно, изменяется с изменением получателя и цели. Однако это не означает, что она всецело зависит от оценки субъекта. Информация способна служить достижению различных целей, следовательно, она - объективный носитель ценности, и последняя выступает как единство субъективного и объективного [30, с. 129].

Так, например, при работе с информацией об осужденном к лишению свободы за насильственное (бытовое) преступление, ценными являются сведения, характеризующие его как члена семьи - притязания осужденного

на лидерство в семейно- бытовой микросреде, степень ориентации на насилие как способ достижения цели или реагирование на ситуацию и т. д. В то же время, эта информация является менее ценной по отношению к осужденным, отбывающим наказание за корыстные преступления.

Задача обработки информации, таким образом, состоит в том, чтобы из различного рода данных об осужденном, поступивших от судебно-следственных органов, подчас разрозненных, отражающих отдельные стороны личности осужденного, сведений, составить общую, целостную картину об объекте воздействия, выявить присущие ему социально-вредные, антиобщественные свойства, закономерности и тенденции их развития.

Таким образом, в качестве вывода можно сказать, что обеспечение процесса карательно-воспитательного воздействия достаточной информацией об осужденном является важнейшим условием повышения эффективности этого воздействия и зависит от судебно-следственных органов, выступающих в качестве основных передатчиков информации об осужденном и самих учреждений как единственных получателей информации и организаторов карательно-воспитательного процесса.

Библиография

1. Аванесов Г.А. Криминология и социальная профилактика. М., 1980.
2. Аванесов Г.А. Теория и методология криминологического прогнозирования. М., 1972.
3. Асеев В.Г. Мотивация и формирование личности. М., 1976.
4. Афанасьев В.Г. Социальная информация и управление обществом. М., 1975.

5. Багрий-Шахматов Л.В. Правовые основы изучения личности преступников и воспитательного на них воздействия. – в кн.: Изучение и предупреждение преступности. Вып. 8, Воронеж, 1968, с. 33-45.
6. Бернштейн Н.А. Очерки по физиологии активности. М., 1966.
7. Ведерников Н.Т. Изучение личности преступника и вопросы перевоспитания заключенных. – В сб.: Правовые вопросы лишения свободы и перевоспитания заключенных. Томск, 1978, с. 98-105.
8. Вичев В. Мораль и социальная психика. М., 1978.
9. Герцензон А.А. Актуальные проблемы советской криминологии. – Вопросы борьбы с преступностью. Вып. 6, 1967, с. 28-36.
10. Глоточкин А.Ф., Пирожков В.Ф. Психические состояния человека, лишенного свободы. М., 1968.
11. Грюнбаум А. Свобода воли и законы человеческого поведения. – Вопросы философии, 1970, № 6, с. 62-74.
12. Исправительно-трудовая педагогика. Учеб. пособие. М., 1967.
13. Карпец И.И. Современные проблемы уголовного права и криминологии. М., 1976.
14. Кикнадзе Д.А. Потребности, поведение, воспитание. М., 1968.
15. Ковалев А.Г. Психология исправления и перевоспитания заключенных. М., 1964.
16. Кон И.С. Социология личности. М., 1967.
17. Константиновский Ф.Л., Шубкин В.П. Личные планы и их реализация. – Вопросы философии, 1970, № 7, с. 32-42.
18. Кудрявцев В.Н. Причинность в криминологии. М., 1968.
19. Лагунова Т. Побудить веру в себя. – К новой жизни, 1977, № 3, с. 28-36.
20. Ляхов И.И. Об одном способе прогнозирования социального поведения – в кн. Моделирование социальных процессов. М., 1970, с. 14-25.
21. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21.

22. Надъярный А.В. О методике изучения личности заключенного. – в кн. Вопросы борьбы с преступностью, 1970, № 12.
23. Осипов Г.В. Некоторые проблемы теории личности. – Социологические исследования. Вып. 3, 1970.
24. Парыгин Б.Ф. Основы социально-психологической теории. М., 1971.
25. Познышев С.В. Основы пенитенциарной науки. М., 1923.
26. Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. М., 1957.
27. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. М., 1946.
28. Рубинштейн С.Л. Человека и мир. Методологические и теоретические проблемы психологии. М., 1969.
29. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности. / Под ред. В.А. Ядова. Л., 1979.
30. Урсул А.Ф. Информация. М., 1971.
31. Шаргородский М.Д. Наказание. Его цели и эффективность. Л., 1973.
32. Шибутани Т. Социальная психология (сокр. перевод с англ.). М., 1969.
33. Шмаров И.В. Взаимодействие исправительно-трудовых учреждений с другими органами, ведущими борьбу с преступностью. – Сов. гос. и право, № 11, 1965, с. 88-102.
34. Якобсон П.М. Психологические проблемы мотивации поведения человека. М., 1969.